

МАРКЕМНЫЙ ПОРТРЕТ А. П. ЧЕХОВА*

А. А. Фаустов

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 19 марта 2010 г.

Аннотация: в статье предлагается семантическая классификация ключевых слов (маркем), которая позволяет проводить дифференцированное сопоставление комплектов маркем тех или иных авторов и литературных эпох. Чеховские маркемы рассматриваются по преимуществу на фоне ключевых слов всего периода русской литературы XVIII – начала XX в., ключевых слов «реалистической» эпохи и отчасти И. А. Гончарова, который по набору маркем является наиболее близким Чехову автором.

Ключевые слова: маркема, лексика, семантика, литература, эпоха, автор.

Abstract: the article offers semantic classification of key words (markems) which enables to make a differential comparison of markem complexes in one or another author and literary epoch. Chekhov's markems are mainly considered on the background of key words of the whole period of the Russian literature of XVIII – beginning of XX cent., key words of the «realism» epoch and partly I. A. Goncharov, who was the closest to Chekhov by selection of markems.

Key words: markem, vocabulary, semantics, literature, epoch, author.

Настоящая статья продолжает – применительно к чеховскому творчеству – цикл исследования маркем (ключевых имен нарицательных) русской литературы XVIII – начала XX вв. [1–4 и др.]. С некоторой долей хронологической условности этот достаточно замкнутый период может быть разбит на пять культурно-психологических эпох: 1) «классическая» (XVIII в.), 2) «элегическая / романтическая» (до 1830-х гг.), 3) «критическая» (до 1860-х гг.), 4) «реалистическая» (до конца XIX в.), 5) «модернистская» (рубеж XIX–XX вв.). Общий массив текстов, образующий базу данных проекта, включает произведения 112 авторов и составляет более 43 миллионов словоформ.

Прежде чем приступить к обзору чеховского комплекта маркем, имеет смысл – хотя бы в предварительном, рабочем порядке – дать семантическую классификацию маркем. Их возможно распределить по девяти группам (которые далее иллюстрируются некоторыми ключевыми для всего исследуемого периода словами). Во-первых, это «антропологическая» лексика – то, что обозначает относящееся к сущности человека и его социально-биологической конституции (*человек, человечество, сердце, здоровье*). Во-вторых, это «кинституциональная» лексика – то, что обозначает экономические, социально-политические и культурно-психологические условия и ме-

ханизмы существования человека (*отечество, богатство, состояние* – в значении ‘звание’, ‘богатство, имение’, *достоинство* – в значении ‘стоимость, ценность’, ‘отличие, звание’, *образование* – в значении ‘просвещение’). В-третьих, это «императивная» лексика – то, что обозначает ценности, нормы и правила, регулирующие социальное поведение человека (*добродетель, справедливость, преступление, благодарность*). В-четвертых, это «артистическая» лексика – то, что обозначает принадлежащее к сфере искусства и эстетических отношений человека к миру (*искусство*). В-пятых, это «эмоционально-ментальная» лексика – то, что обозначает реакции субъекта на внутренние и внешние стимулы (*чувство, удовольствие, счастье, беспокойство*). В-шестых, это «коммуникативная» лексика – то, что обозначает принадлежащее к сфере сообщения субъекта с миром, с другими субъектами и с самим собою (*внимание, впечатление, выражение, воображение* – в значении ‘способность ментально представлять те или иные предметы’). В-седьмых, это «ориентационная» лексика – то, что обозначает взаимное соотношение элементов мира и ментальных фактов и отношение их к субъекту, а также субъекта к ним и к другим субъектам (*расположение, направление, противоположность, присутствие* – в значении ‘пребывание в наличии’). В-восьмых, это «космологическая» лексика – то, что обозначает мир в целом, наиболее существенные его элементы и формы его бытия (*природа, солнце, время, пространство*). В-девятых, это «онтологическая» лексика – то, что обозначает фундаментальные, общие структуры бытия (*существование, действительность, необходимость, возможность*).

* Работа выполнена при финансовой поддержке Федерального агентства по образованию (Рособразования) в рамках исследовательского проекта 2.1.3 / 4705 «Универсалии русской литературы (XVIII – начало XX вв.)».

© Фаустов А. А., 2010

Маркемный портрет Чехова будет рассматриваться по преимуществу на фоне ключевых слов исследуемого периода русской литературы в целом («суммарных» маркем), ключевых слов «реалистической» эпохи и отчасти И. А. Гончарова, который по набору маркем является наиболее близким Чехову автором (23 общих маркемы) и в плане лингвостатистической генеалогии выступает его «литературным отцом».

Заметим, что чеховское восприятие Гончарова весьма соблазнительно истолковать в духе блумовской концепции «страха влияния». В юмористической «Литературной табели о рангах» 1886 г. Чехов, имея в виду здравствующих на то время русских писателей, оставит чин действительного тайного советника вакантным, а в тайные советники произведет только двух авторов – Льва Толстого и Гончарова, что само по себе более чем показательно. Но уже через три года в письме А. С. Суворину «повзрослевший» Чехов подробнейшим и категорическим образом подвергнет эту свою недавнюю оценку ревизии: «...читаю Гончарова и удивляюсь. Удивляюсь себе: за что я до сих пор считал Гончарова первоклассным писателем? Его "Обломов" совсем неважная штука. Сам Илья Ильич, утрированная фигура, не так уж крупен, чтобы из-за него стоило писать целую книгу. Обрюзглый лентяй, каких много, натура не сложная, дюжинная, мелкая; возводить сию персону в общественный тип – это дань не по чину <...> А главная беда – во всем романе холод, холод, холод... Вычеркиваю Гончарова из списка моих полубогов» [5, т. 3, с. 201].

Словом с наиболее высоким «индексом тематической маркированности» (ИнТеМом) у Чехова является *человек*. Разумеется, нужно учитывать, что лексема эта – центральная для исследуемого массива русских литературных текстов, главная из «суммарных» маркем, однако далеко не во все эпохи и далеко не у всех авторов *человек* первенствует. (Кроме того, нужно было бы иметь в виду, что *человек* этот далеко не всегда – та самая «тайна», которую разгадывал Ф. М. Достоевский. Едва ли не по большей части *человек* – или счетная единица в выражениях вроде «тысяча человек», или отвлеченный классификатор в таких словосочетаниях, как «молодой человек», «богатый человек», «честный человек» и т.д. (огромное разнообразие подобных формул дают тексты М. Н. Загоскина), или слово со значением 'слуга'.) Если взять «эпохальные» маркемы, то в двух верхних строчках их списков *человек* находится только в XVIII в. и в первой трети XIX в., потом опускается вниз (далее всего, на двадцать пятое место – во второй трети XIX в., в «чеховскую» эпоху – на восьмую позицию), а среди 112 авторов доминирует только у 20.

Как же выглядит весь комплект чеховских маркем с учетом их распределения по группам (и без подроб-

ного учета «двоений», вызываемых фактором полисемии)?

1) «Антропологическая» лексика Чехова, представленная ощутимо шире, чем соответствующие разряды «суммарных» и «реалистических» маркем (8 слов в сравнении с 5 и 4), любопытна несколькими особенностями. Прежде всего, нужно упомянуть о наличии в этой группе *молодости* (отсутствующей среди «больших» – «суммарных» и «эпохальных» – маркем), которая напрямую сопряжена с идеей биографического времени. (По всей видимости, этим вниманием к подчиняющему себе человеческую соматику времени объясняется и наличие среди чеховских «антропологических» маркем *здоровья*, хотя оно и входит в ряды «суммарных», «классических» и «элегических / романтических» маркем, а также ключевых слов более четверти авторов разных эпох, включая Гончарова.)

Не менее интересно исчезновение у Чехова *сердца*, наличествующего среди «суммарных» и всех «эпохальных» маркем (кроме «критических»), а также среди маркем 61 автора (в частности и Гончарова). *Сердце* заменяется *головой* (встречающейся только в числе маркем 13 авторов), которая принадлежит у Чехова в основном к области денотативного, а не коннотативного: к примеру, *сердце сжимает тоска*, а *головой мотают*. Наконец, отметим появление наряду с распространенными *деятельностью* и *характером* столь же активистской и иерархической *способности* (значащейся лишь среди маркем 15 авторов) – зеркально-симметричной по отношению к столь же нечастой гончаровской *потребности*.

2) «Институциональная» лексика Чехова по своему количеству превышает «суммарные» и «эпохальные» показатели еще в больших пропорциях (9 маркем против 4 и 3). Однако вдвойне характерен ее состав. В первую очередь бросается в глаза полное отсутствие «экономического» компонента (вроде «суммарного» *богатства*, «реалистических» *вознаграждения* и *благосостояния* или гончаровского *хозяйства*). Вместо подобных маркем у Чехова наблюдаются очень редкие – и потому более специфичные – *обстановка* и *цивилизация* (первая есть еще у 2 авторов, вторая – у 5), обозначающие различные срезы бытовой культуры, уклада жизни. Отчасти по контрасту с *цивилизацией* среди чеховских ключевых слов появляются не менее редкие и во многом архаистичные *невежество* (входящее в комплекты маркем 13 авторов) и особенно *предвзвездок* (который есть еще лишь в серии маркем В. К. Кюхельбекера). Так что в сочетании с этими словами и *образование* (которого среди «больших» маркем нет только в «классическую» и в «элегическую / романтическую» эпохи) получает добавочное смысловое освещение. Столь же выразительна у Чехова маркемная оппози-

ция *общества* (среди «больших» маркем не числящегося, но имеющегося в маркемном лексиконе Гончарова) и *одиночества* (вырастающего до уровня ключевого слова в «модернистскую» эпоху, а до нее знакомого в этом качестве Н. А. Некрасову и А. Н. Апухтину). И отдельно нужно сказать о категоричном *ничтожестве* (в значении ‘неважность, незначительность’), которое обнаруживается всего у 3 авторов.

3) «Императивная» лексика, напротив, отличается у Чехова как будто бы достаточной «усредненностью» (4 слова в сравнении с 4 «суммарными» маркемами, 6 «реалистическими» и 6 гончаровскими). «Чеховский» акцент тут возможно усмотреть в том, что наряду с вполне обыкновённым – и «суммарным», и «реалистическим» (но не гончаровским) – *преступлением* среди чеховских маркем есть и куда более раритетное, встречающееся у 8 авторов *наказание*. При этом в паре с *преступлением* оно и вообще фигурирует, помимо Чехова, только у 3 из них – Д. И. Фонвизина, И. Ф. Анненского и М. Горького, являя собой торжество принципа воздаяния. (Отметим в скобках отсутствие среди этих авторов Ф. М. Достоевского, что в действительности вполне объяснимо, поскольку у него преступление прежде всего – повод для самосознания: преступление требует не столько наказания как такового, располагающегося в том же событийном – причинно-следственном – измерении, сколько осознания его (преступления) в качестве греха.)

Примечательно, что «юридический» сектор этой группы чеховских ключевых слов количественно уравновешен с «моральным» (а по величине ИнТеМов и специфичности даже превосходит его). Две другие «императивные» маркемы – это широкоупотребительные *благодарность*, входящая в число «суммарных» и трех из пяти «эпохальных» маркем (за вычетом «реалистических» и «модернистских»), и *справедливость*, значащаяся среди всех «больших» и 56 авторских маркем (о сложной семантике этого слова см., к прим.: [6]). Между тем соотношение одного сектора с другим иное и для «эпохальных» маркем (на одной стороне – *преступление*, на другой – *справедливость*, *благодарность* и *добродетель*), и для маркем «реалистических» (на одной стороне – *преступление* и отчасти *доказательство*, на другой – *справедливость*, *несправедливость*, *нравственность* и чуть более двойственная *ответственность*). «Моральное» в русской литературе доминирует над «юридическим» (что отчасти совпадает, кстати, с расхожим взглядом и на нее, и на русскую ментальность вообще), а у Гончарова второе не представлено среди маркем вообще.

4) «Артистическая» лексика Чехова включает, как и соответствующая группа «суммарных» маркем,

единственное базовое слово – *искусство* (впрочем, в «реалистическую» эпоху эта группа и вовсе остается пустой). И такое положение вещей разительно ограничивает Чехова от Гончарова, среди «артистических» маркем которого есть и *искусство*, и *художник*, и *портрет*.

5) «Эмоционально-ментальная» лексика – наиболее обширная группа маркем Чехова (14 слов), что выделяет его и на фоне его времени (10 слов), и на «суммарном» фоне (9 слов). По количеству подобных маркем Чехов находится вровень с «классической» эпохой и близко к эпохе «элегической / романтической» – самому «эмоциональному» времени исследуемого периода (17 слов). Близкое соотношение между авторским и эпохальным было свойственно и Гончарову (8 маркем против 5) – автору наименее склонной обращать внимание на чувства «критической» эпохи. Но еще интереснее у Чехова наполнение этой группы ключевых слов. Господствующее положение в ней во всех комплектах «больших» маркем занимают лексемы с «положительной» или «нейтральной» окраской (в «реалистическом» списке их 7, и это еще минимальная доля для «эпохальных» маркем, в «суммарном» – 8). У Гончарова такого рода «отрицательных» ключевых слов нет вообще, а вот у Чехова их 8, т.е. больше половины. Два из них редкими считаться не могут: *беспокойство* принадлежит к числу «суммарных» маркем и попадает в разряд ключевых слов в «реалистическую» и «модернистскую» эпохи (только в сравнении с современностью *беспокойство* у Чехова поднимается с 22-го места на 4-е); *несчаст(ь/и)е* встречается среди маркем «классической» эпохи и четверти всех авторов различных эпох. Остальные же 6 слов, обозначающих недостачу у человека информации или отрицательный опыт соприкосновения с реальностью, – *недоразумение*, *недоумение*, *ненависть*, *отвращение*, *отчаяние*, *равнодушие* – обладают весьма небольшим радиусом распространения (от 8 до 18 авторов).

6) «Коммуникативная» лексика Чехова по своему числу и набору напоминает соответствующие «суммарные» и «реалистические» маркемы (во всех трех случаях их 7). Комментария здесь заслуживает несколько обстоятельств. Такое «суммарное» ключевое слово, как *впечатление*, войдя в состав «больших» маркем в «элегическую / романтическую» эпоху на 28-й позиции, в следующую эпоху достигнет 7-й позиции, а затем окажется уже на 2-й позиции (и останется на ней и в эпоху «модернизма»). «Реализм» в этом смысле в полной мере открывает своеобразную «импрессионистическую» или, как выразился бы П. А. Флоренский, «иллюзионистскую» эру в развитии русской литературы. И Чехов, на лестнице маркем которого у *впечатления* 3-е место, – писатель своей эпохи, так что вытеснение в его маркемном лексико-

не *сердца головою* – одним из важнейших инструментов коммуникации – лишь доводит эту тенденцию до предела. (Напомню одну из реплик Л. Н. Толстого о Чехове в записи П. А. Сергеенко (1900): «И манера какая-то особенная, как у импрессионистов. Видишь, человек без всякого усилия набрасывает какие-то яркие краски, которые попадают ему, и никакого соотношения, по-видимому, нет между всеми этими яркими пятнами, но в общем впечатление удивительное» [7, с. 546].)

И второй момент. Две «коммуникативные» маркемы Чехова непосредственно связаны с идеей времени, в эпоху «реализма» не слишком акцентированной (об особой значимости для Чехова категории времени см., к прим.: [8, с. 317–319; 9, с. 281 и сл.]). Это *предчувствие* – одна из «суммарных» маркем, которая есть среди ключевых слов «критической» и «модернистской» эпох и которой нет как раз среди ключевых слов эпохи «реалистической». И это в особенности *история* (в значении – ‘рассказанная последовательность событий’), которая встречается среди «больших» маркем в «элегическую / романтическую» эпоху – наиболее «антипространственную» из эпох русской литературы, контрастно сменяющую статичный «классический» век. Так что тут можно было сослаться и на то, что Чехов (в терминологии А. А. Кретова) – это писатель-архаист, который как раз в большей степени принадлежит «элегической / романтической» эпохе, чем своей собственной.

7) «Ориентационная» лексика Чехова выделяется своей компактностью (3 маркемы по сравнению с 7 «суммарными» и с 7 «реалистическими»), и в этом он сродни Гончарову (4 маркемы по сравнению с 8 «критическими»). Но наряду с «суммарными» и «реалистическими» *отсутствием* и *положением* в чеховском списке появляется *отношение*, которое известно лишь 14 авторам и которое делается «большой» маркемой в эпоху «модернизма». И выдвигание этого слова свидетельствует о переходе из «точечной» реальности в «векторную», о переносе фокуса внимания с положения, в котором кто-либо / что-либо пребывает или оказывается, на конфигурацию таких «мест». Перед нами снова вполне «импрессионистический» эффект.

8) «Космологическая» лексика Чехова минимизирована до одной маркемы – *мгновение*, которое относится к «суммарным» ключевым словам, впервые появляется среди «больших» маркем в «элегическую / романтическую» эпоху, фигурирует у 52 авторов и также имеет «временную» семантику. Причем нужно учитывать, что в «реалистическую» эпоху *мгновение* сбалансировано с другой очень распространенной маркемой – *пространством* (близкая картина наблюдается у Гончарова: *пространство* + *мгновение* +

движение). А в комплект «суммарных» ключевых слов этой группы входит и вообще 6 маркем, включая опять-таки *пространство*, которого, уточним, среди «больших» маркем нет только в «элегическую / романтическую» эпоху и которое выйдет на первое по своему ИнТеМу место в эпоху «модерна» – мифологизирующую себя – и тем самым как бы выводящую из череды времен – эпоху.

9) «Онтологическая» лексика Чехова (и в этом он напоминает Гончарова) тоже не отличается многообразием (3 слова на фоне 7 «суммарных» маркем и 9 «реалистических»). Наряду с «суммарными» и «реалистическими» *обстоятельством* и *возможностью* мы находим здесь редкую, встречающуюся еще только у 7 авторов маркему – *содержание*. И крайне любопытно, что это авторы, чье творчество имеет преимущественно философский (А. Н. Радищев, Д. В. Веневитинов, А. И. Герцен, Вл. С. Соловьев, отчасти С. Т. Аксаков) или сатирический характер (Н. И. Новиков, М. Е. Салтыков-Щедрин).

Одним словом, маркемы Чехова (среди которых, подчеркнем, нет ни одной уникальной, принадлежащей только ему) по одним линиям сближаются с «большими» (прежде всего «реалистическими») маркемами и с маркемами Гончарова, а по другим расходятся. Но, в любом случае, «чеховский» акцент просматривается везде достаточно отчетливо.

В итоге – под софитами маркем – «чеховский» человек выглядит: внимательно всматривающимся прежде всего в человеческий мир и поглощенным впечатлениями от него; ощущающим себя в плену у ускользающего времени, но пытающимся все же деятельно противостоять ему; оглядывающимся на свою молодость и не ожидающим хорошего от своего будущего; чувствующим себя одиноким перед лицом общества, которое погрязло в невежестве и предрассудках и может вызвать, по большей части, только разнообразные отрицательные эмоции; замечающим в людях их таланты, но в силу обладания легковозбудимой нервной организацией пользующимся при этом экспрессивной, полярной оценочной шкалой; достаточно равнодушным и к красотам искусства и природы, и к материальным благам, но не безразличным к комфорту; отличающимся нечеткими моральными ориентирами, но убежденным, что любой поступок влечет за собой неотвратимые последствия; не уверенным в очевидности истины и фундаментальных законов бытия и предполагающим, что главное заключается не в вещах, а между ними и за их покровом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кретов А. А. Архаисты и новаторы в русской литературе XVIII – начала XX вв. / А. А. Кретов // Уни-

версалии русской литературы. – Воронеж : Воронежский государственный университет : Издат. дом Алейниковых, 2009. – С. 29–48.

2. Кретов А. А. Лингвостатистическая генеалогия в русской литературе XVIII – начала XX вв. / А. А. Кретов, М. В. Катов, А. А. Фаустов // Проблемы компьютерной лингвистики. – Воронеж : Институт ИТОУР, 2010. – Вып. 4. – С. 114–125.

3. Кретов А. А. Поэзия А. В. Кольцова в контексте русской литературы XVIII – начала XX вв. / А. А. Кретов, М. В. Катов // А. В. Кольцов вчера, сегодня, завтра : материалы межвуз. науч. конф. – Воронеж : Издат. дом Алейниковых, 2009. – С. 137–150.

4. Кретов А. А. Сквозь призму маркем : Н. В. Гоголь в ближайшем контексте русской литературы / А. А. Кретов, М. В. Катов // Вестник ВГУ. Серия : Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2009. – № 2. – С. 12–21.

5. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Письма : в 12 т. / А. П. Чехов. – М. : Наука, 1974–1982.

6. Левонтина И. Б. За справедливостью пустой / И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев // Логический анализ языка. Языки этики. – М. : Языки русской культуры, 2000. – С. 281–293.

7. Сергеенко П. А. Записи / П. А. Сергеенко // Литературное наследство. – Т. 37–38 : Л. Н. Толстой. – М. : Изд-во АН СССР, 1939. – Кн. II. – С. 539–565.

8. Бицилли П. М. Творчество Чехова : опыт стилистического анализа / П. М. Бицилли // Трагедия русской культуры : исследования, статьи, рецензии. – М. : Русский путь, 2000. – С. 204–358.

9. Савинков С. В. Аспекты русской литературной характерологии / С. В. Савинков, А. А. Фаустов. – М. : Изд-во Кулагиной – Intrada, 2010. – 332 с.

Воронежский государственный университет

Фаустов А. А., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской литературы XIX в.

E-mail: aafaustov@list.ru

Тел.: (4732) 20-84-98

Voronezh State University

Faustov A. A., Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of the Russian Literature of 19th Century

E-mail: aafaustov@list.ru

Tel.: (4732) 20-84-98